

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

СОБЕСЕДНИК

Ричард Рид: Человечество стало главной силой, убивающей природу

Профессор Школы дизайна Университета Западной Австралии — о том, какова связь неба в изображении художников и близости Армагеддона

ЛАРА ПАВЛОВА

— Ричард, вы проделали большой путь, чтобы оказаться здесь. Что вас привело в Россию?

— Да, люди из Австралии нечасто приезжают в Россию, за исключением Москвы или Санкт-Петербурга. Кроме стремления закрепить контакт с моим давним другом Еленой (профессор социальной теории Уральского федерального университета Елена Трубина, по приглашению которой Ричард Рид выступил накануне визита в Пермь в Ельцин-центре — ред.), с которой я повстречался в Штатах в 1999 году, преследовал ещё одну цель. Я был убеждён, что находящийся в полутора тысячах километров от Москвы Екатеринбург — город, в котором она живёт, предложит мне совсем другую картину русской жизни. Мне было важно оказаться там, потому что таким образом я мог бы избавиться от своих предрассудков и увидеть нечто помимо тех многочисленных картин и текстов, которые появляются в связи с такими грандиозными событиями, как чемпионат мира. Надеялся, что то, что я увижу, будет культурно очень живо. Так и оказалось.

— Ваше резюме впечатляет. Почему из всего богатства доступных вашим компетенциям предметов научного внимания вы выбрали облака?

— Первым поводом, побудившим меня написать эту лекцию, было то, что мой друг в Перте (город в Западной Австралии, где я живу) выступил куратором выставки, посвящённой изображению облаков. Второй фактор — в силу того, что факультет искусств, где я преподаю, небольшой и на нём работают всего несколько профессоров, за свою карьеру я читал курсы об очень разных эпохах развития искусства. Благодаря этому опыту я был в состоянии сопоставить между собой изображения, созданные в период с XIV века до наших дней. В результате в этой лекции свыше 100 слайдов, хотя на самом деле могло быть гораздо больше.

Но непосредственной причиной, побудившей меня написать эту лекцию, стало то, что если берёшь в качестве предмета своего изучения небо, то можешь одновременно говорить об истории искусства и о более глобальных проблемах, с которыми сегодня сталкивается человечество. А прочесть несколько лекций в России я решил потому, что как исследователь очень хотел понять, насколько близки русским людям, русским интеллектуалам те проблемы, которые я поднимаю.

В лекции я говорю о том, что до XVIII века главное значение, которое небеса имели в живописи, было религиозным,

отсылающим к Господу. Но потом, когда повсеместно началась индустриализация и человечество стало переживать разные трудности, общее для всех людей значение неба стало исчезать. И тогда художники, чем ближе к нашим временам, тем более активно, стали проецировать на небеса свои собственные фантазии, ничего общего с религией уже не имеющие.

— Если не говорить о том, что религия во многом тоже про фантазии и личное восприятие небес?

— Я с вами согласен, но если вспомнить, что христианство, положим, это очень мощная доктрина, то понимаешь, что у его последователей свободы фантазировать не в избытке. Фактически ты должен следовать и верить тому, что тебе велит доктрина. Подчеркну, что преобладающая часть образов, которые я показываю, относятся к западному христианству. Хотя в других мировых религиях представление о небе как тайне, которая скрывает замысел Божий, тоже может быть обнаружено.

Сегодня небо в изображении художников и фотографов отсылает нас к проблематике глобального потепления, того, что западные учёные называют антропоценом. Человечество стало главной силой, убивающей природу. Чем активнее это происходит, тем активнее небеса без облаков становятся в изображении художников воплощением усиливающегося у всех нас страха.

Соответственно, сегодня в мире мы видим много схожих образов небес и облаков, потому что у людей нарастает ощущение тревоги по поводу общей беды, которая нас всех настигает. В лекции я это иллюстрирую, обращаясь к известному фильму Ларса фон Триера под названием «Меланхолия», где мы, если присмотримся внимательно, увидим, что в нём присутствует достаточно древняя структура образов, отсылающая к апокалипсису. Хочу убедиться, что вот это общее для живущих сегодня в мире людей понимание неба найдёт отклик в России. И пока я не знаю Россию слишком хорошо, сохраняется интрига.

— Возникает желание провести параллель между небом и искусством вот с какой точки зрения — и то и другое открыто для наблюдения и анализа каждому. Но в то же самое время каждый познаёт предмет в силу веса своего бэкграунда, текущего состояния и даже физического положения. Например, мы можем наблюдать за облаками, глядя в лужу, или поднять глаза к небу и увидеть те же облака, а можем лететь

ФОТО МИХАИЛ БЕЛОУСОВ

Справка

В Музее современного искусства PERMM прошла лекция «Апокалиптические небеса и упадок общепонятного символизма» Ричарда Рида. Профессор специализируется на отношениях между литературой и изобразительным искусством, европейской и австралийской историей искусства XIX и XX веков, является автором книги о британском психоаналитическом арт-критике Эдриане Стоуксе. Сейчас работает над двумя проектами: книгой, в которой пойдёт речь об «обратной живописи» (the reversed painting), и антологией о колонизации и дикости в ландшафтной живописи Америки и Австралии. Выступал в галерее Тейт, Национальной художественной галерее Вашингтона, Национальной галерее Мельбурна.

над ними в самолёте, видя солнце. Это всё одно и то же небо, но те или иные обстоятельства, включая проекции наблюдателя, делают его непостижимо разнородным. Этот тезис находит отражение в вашей лекции?

— Есть близкая параллель между произведениями искусства и небесами. Но мне-то важно подчеркнуть, что и то и другое меняется достаточно серьёзно по мере того, как развивается история. И то, что для вас важно, что каждый из нас смотрит и на небо, и на произведение искусства по-разному, это относится только к определённому периоду истории. И это обычно иллюстрируется популярной фразой: «Я много искусства не знаю, но я знаю, что мне нравится».

Дам другой пример, который иллюстрирует вашу точку зрения. В экспериментальном искусстве XX века, созданном модернистами вроде Матисса (они вообще всё искажают на своих картинах, на то и модернизм), облака тоже падают жертвой, как угодно могут располагаться. У меня есть замечательный слайд на эту тему — на иллюстрации

облако под углом висит (речь о картине «Залив Сен-Тропе» 1904 года — авт.). Своей художнической волей автор может сделать что угодно, ему нет дела до реальности, он искажает её как хочет. Хорошо, это Матисс. Оцените временную дистанцию. Чем ближе к нашим временам, тем сложнее становится иметь вот такой частный взгляд на происходящее. Безоблачные небеса начинают обозначать коллективную угрозу. И получается, что вот это ощущение нависшей опасности начинает отображаться в искусстве, создаваемом в самых разных уголках мира. Так возникает некая общность восприятия.

— Вы сказали, что Матисс искажает реальность, но ведь на реальность его взгляда никак не влияет. В чём вы видите разницу между искажением и интерпретацией?

— Матисс рисует пейзаж, большую сцену с облаком, которое наклонено так, как в природе не бывает. Он делает это, чтобы выразить определённое понимание свободы. Свободу от законов природы, которые не позволяют облакам висеть таким образом. Но, создав эту картину, он в то